

Максим Горький

На плотях

Annotation

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 71, 2 апреля, с подзаголовком «I. Картина». Написано в 1895 году, что подтверждается указанием М.Горького в наборном тексте для собрания сочинений издания «Книга».

Рассказ вошёл в первый том «Очерков и рассказов» 1898 года и затем во все собрания сочинений писателя.

Печатается по тексту, подготовленному М.Горьким для собрания сочинений в издании «Книга».

-
- [На плотях](#)
-

На плотях

Пасхальный рассказ

I

... Грузные тучи медленно ползут над сонной рекой; кажется, что они спускаются всё ниже и ниже; кажется, что вдали их серые лохмотья коснулись поверхности быстрых и мутных весенних волн, и там, где они коснулись воды, – встала до небес непроницаемая стена облаков, заградившая собою течение реки и путь плотам.

И волны, безуспешно подмывая эту стену, бьются о неё с тихим, жалобным рокотом, бьются и, отброшенные ею, разбегаются вправо, влево, где лежит сырая тьма весенней, свежей ночи.

Но плоты плывут вперёд, и даль отодвигается пред ними в пространство, полное тяжёлых облачных масс.

Берегов не видать – их скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкие волны разлива.

Река – точно море. Небо над нею окутано облаками, тяжело, сыро и скучно.

Плоты скользят по воде быстро и бесшумно, а навстречу им из тьмы выдвигается пароход, выбрасывая из трубы весёлую толпу искр и глухо ударяя по воде плицами колёс...

Два красных фонаря на отводах всё увеличиваются, становятся ярче, а фонарь на мачте тихо покачивается из стороны в сторону и таинственно подмигивает тьме.

Пространство наполнено шумом разбиваемой воды и тяжёлыми вздохами машины.

– По-оглядывай! – раздаётся на плотях сильный грудной оклик.

У рулевых вёсел, на хвосте плота, стоят двое: Митя – сын сплавщика, русский, хилый, задумчивый парень лет двадцати, и Сергей – работник, хмурый, здоровый детина в рыжей бороде; из её рамки выдаются крепкие, крупные зубы, не закрытые верхней губой, насмешливо вздёрнутой кверху.

– Клади лево! – снова сотрясает тьму громкий крик впереди плотов.

– Знаем и сами, чего орёшь? – недовольно ворчит Сергей и, вздыхая, наваливается грудью на весло.

– О-ух! Вороти крепчае, Митюк!

Митрий, упираясь ногами в сырые брёвна, тянет к себе тонкими руками тяжёлую жердь – руль – и хрипло кашляет.

– Гни... бери левей!.. Черти, дьяволы! – кричат спереди тревожно и озлобленно.

– Ори! Твой-то чахлый сын соломину о колено не переломит, а ты его на руль ставишь, да и орёшь потом на всю реку. Жаль было ещё работника нанять кощею-снохачу. Ну, и рви теперь глотку-то!..

Сергей ворчит уже громко, очевидно, не опасаясь, что его услышат, и даже как бы желая этого...

Пароход мчится мимо плотов, с ропотом вымётывая из-под колёс пенистые волны. Брёвна раскачиваются на воде, и скрученные из сучьев связи скрипят жалобным и сырым звуком.

Освещённые окна парохода смотрят на реку и плоты, как ряд огненных глаз, отражаются на взволнованной воде светлыми трепещущими пятнами и исчезают.

Волны сильно плещут на плоты, брёвна прыгают, и Митрий, покачиваясь на ногах, крепко прижимается к рулю, боясь упасть.

– Ну, ну! – насмешливо урчит Сергей, – заплясал! Вот отец-то гаркнет тебе опять... А то пойдёт да всадит тебе в бок-то раз'а, тогда не так заплашешь! Бери право! Ой-ну! О-о!..

И упругими, как стальные пружины, руками Сергей мощно ворочает своё весло, глубоко разрывая им воду...

Энергичный, высокий, немного злой и насмешливый, он стоит так, точно прирос к брёвнам босыми ногами, и в напряжённой позе, готовый каждую секунду поворотить плоты, зорко смотрит вперёд.

– Ишь, отец-то у тебя, как обнимат Марьку-то! Ну и дьяволы же! Ни стыда, ни совести! И чего ты, Митрий, не уйдёшь куда от них, чертей поганых?... а? Слышь, что ли?

– Слышу! – вполголоса говорит Митрий, не глядя туда, где Сергей, сквозь тьму, видит его отца.

– Слышу-у! Эх ты, тюря! – дразнится Сергей и хохочет. – Дела! – продолжает он, подзадориваемый апатией Митрия. – Ну и старик – чёрт! Женил сына, отбил сноху и – прав! Старый галман!

Митрий молчит и смотрит назад по реке, где тоже образовалась стена густых облаков.

Теперь облака везде, и кажется, что плоты не плывут, а неподвижно стоят в этой густой и чёрной воде, подавленной тяжёлыми тёмно-серыми горами туч, – упав в неё с неба, они заградили ей путь.

Река кажется бездонным омутом, со всех сторон окружённым горами, высокими до неба и одетыми густым покровом тумана.

Кругом – томительно тихо, и вода точно ждёт чего-то, слабо поплескивая на плоты. Много грусти и какой-то робкий вопрос слышится в этом бедном звуке, единственном среди ночи и ещё более оттеняющем её тишину...

– Ветру бы теперь дунуть... – говорит Сергей. – Нет, не надо ветру – ветер дождя нагонит, – возражает он сам себе, набивая трубку.

Вспыхивает спичка, слышно хрипение в засоренном чубуке, и красный огонёк, то разгораясь, то угасая, освещает ныряющее во тьме широкое лицо Сергея.

– Митрий! – раздаётся его голос. Теперь он менее угрюм, и в нём яснее звучит насмешливая нота.

– А? – вполголоса отвечает Митрий, не отводя глаз из дали, где он пристально рассматривает что-то большими и грустными глазами.

– Как же это, брат ты мой, а?

– Чего? – отзывается Митрий недовольно.

– Женился-то?! Смехи! Как это было-то? Ну, пошли вы, значит, с женой спать? Ну, как же?!

– Эй, вы, там! По-оглядыва-ай! – угрожающе пронеслось над рекой.

– Ишь, ревёт, снохач анафемский! – с восхищением отмечает Сергей и снова возвращается к своей теме. – Ну, скажи, что ли? Мить! Скажи, чай! а?

– Отстань, Серёга! – говорил ведь! – просительно шепчет Митрий; но, должно быть, зная, что от Сергея не отвяжешься, торопливо начинает: – Ну, пришли мы спать. Я и говорю ей: «Не могу я мужевать с тобой, Марья. Ты девка здоровая, я человек больной, хилый. И совсем я жениться не желал, а батюшка, мол, силком меня – женись, говорит, да и всё! Я, мол, вашу сестру не люблю, а тебя больше всех. Бойка больно... Да... И ничего я этого не могу... понимаешь... Пакость одна да грех... Дети тоже... За них ответ богу дать надо...»

– Пакость! – взвизгивает Сергей и громогласно хохочет. – Ну и что ж она, Марька-то? а?

– Ну... «Что же, говорит, мне делать теперь?» Плачет сидит. «Чем, говорит, я тебе не по сердцу? Али, говорит, я уродина какая?» Бесстыдница она, Серёга!.. «Что же, говорит, мне с моим здоровьем к свёкру, что ли, идти?» Я говорю: «Как хошь, мол... Куда хошь иди. Мне, мол, супротив души невозможно поступить... Дедушка Иван говорил – смертный грех это дело. Скоты мы с тобой, что ли, мол?» Плачет всё. «Загубили, говорит, мою

девичью красоту». Жалко её было мне.

«Ничего, мол, как-нибудь обойдётся. А то, мол, в монастырь иди». Она ругаться: «Дурак ты, говорит, Митька, подлец...»

– А, б-батюшки! – восхищённым шёпотом шипит Сергей. – Так ты ей и отколол – в монастырь?

– Так и сказал, – просто говорит Митя.

– А она тебя – дураком? – повышает тон Сергей.

– Да... обругала.

– За дело, брат! А-ах и за дело! Вздуть бы ещё надо! – вдруг меняет тон Сергей. Теперь он говорит строго и внушительно. – Разве ты можешь супротив закону идти? А ты – пошёл! Установлено – ну, значит, и шабаш! Не моги спорить. А ты накося! Эко, выворотил корягу! В монастырь! Дурья голова! Ведь девке-то что надо? Али монастырь? Ну и люди нынче! Ты подумай – что вышло? Сам ты ни бэ, ни мэ, ни ку-ка-ре-ку, девку погубил... полюбовницей стариковой стала – старика во грех снохаческий ввёл. Сколько ты закона нарушил? Го-олова!

– Закон-то, Сергей, в душе. Один закон про всех: не делай такого, что против души твоей, и никакого ты худа на земле не сделаешь, – тихо и умиротворяюще проговорил Митрий, потрянув головой.

– А ты вот сделал! – энергично возразил Сергей. – В душе! Эко, тоже... Мало ли что в душе-то есть. Всему запрета полагать – нельзя. Душа, душа... Её, брат, понимать надо, а потом уж и того...

– Нет, ты это не так, Сергей! – горячо заговорил Митрий, точно вспыхнул вдруг. – Душа-то, брат, всегда чиста, как росинка. В скорлупке она, вот что! Глубоко она. А коли ты к ней прислушаешься, так не ошибёшься. Всегда по-божески будет, коли по душе сделано. В душе ведь бог-то, и закон, значит, в ней. Богом она создана, богом в человека вдунута. Нужно только в неё заглянуть уметь. Нужно только не жалеючи себя...

– Эй, вы! Дэймоны сонные! Гляди в оба! – раскатисто загремело и поплыло по реке.

По силе звука чувствовалось, что кричит человек здоровый, энергичный, довольный собой, человек с большой и ясно сознанной им жизнеспособностью. Кричалось не потому, что окрик был вызван сплавщиками, а потому, что душа была полна чем-то радостным и сильным, – это радостное, сильное – просилось на волю, и вот – вырвалось в гремящем, энергичном звуке.

– Ишь, как тьякнул, старый чёрт! – с удовольствием отметил Сергей, зорко глядя вперёд. – Милуются, голубки! Завидно не бывает, Митька?

Митрий равнодушно посмотрел туда, к передним вёслам, где две

человеческие фигуры перебежали по плотам справа налево и, останавливаясь близко друг к другу, иногда сливались в одну плотную, тёмную массу.

– Не завидно? – повторил Сергей.

– Что мне? Их грех – их ответ, – тихо сказал Митя.

– Та-ак! – иронически протянул Сергей и подложил табаку в трубку. Снова во тьме заблестел красный огонёк.

А ночь становилась всё гуще, и серые тучи, чёрные, все ниже спускались над тихой, широкой рекой.

– Где ж это ты, Митрий, нахватал такой мудрости, а? Али уж у тебя это врождённое? Не в отца ты, браток. Герой у тебя отец-от. Смотри-ко – полсотни годов ему, а он какую кралечку милует! Сок один баба. И любит она его – что уж тут! Любит, брат. Нельзя не любить козыря такого. Король козырей, бардадын отец-от у тебя. Работает – любо глядеть, достаток большой; почёта – хошь отбавляй, и голова на месте. Н-да. А ты вот ни в мать, ни в отца. Мить? А что бы отец-от сделал, кабы покойница Анфиса жива была? Чудно! Посмотрел бы я, как она его... Тоже баба была – бой, матка-то твоя... Под пару Силану-то.

Митрий молчал, облокотясь на весло и глядя в воду.

Сергей тоже замолчал. Спереди плотов доносился звонкий женский смех. Ему вторил басовитый смех мужчины. Затканые мглой, их фигуры были еле видны Сергею, с любопытством смотревшему на них сквозь тьму. Можно было видеть, что мужчина высок и стоит у весла, широко расставив ноги, вполборота к кругленькой, маленькой женщине, прислонившейся грудью к другому веслу, саженьях в полутора от первого. Она грозит мужчине пальцем, рассыпчато и задорно посмеиваясь. Сергей отвернулся со вздохом сокрушения и, сосредоточенно помолчав, заговорил опять:

– Эхма! И ладно же им там. Мило! Мне бы вот так-то, бобылюшата! Ни в жисть бы от такой бабы не ушёл! Эх ты! Так бы всё и мял её в руках, не выпускал. На, чувствуй, как люблю... Чёрт те! Не везёт вот мне на бабу... Не любят, видно, бабы рыжих-то. Н-да. Капризная она – баба эта...

А шельма! Жадна жить. Митя! Эй, спишь?

– Нет, – тихо ответил Митя.

– То-то! Как же ты, брат, жизнь проходить будешь! Ведь ежели говорить правду – один ты, как перст. Тяжело! Куда ж ты себя теперь определишь? Житья тебе настоящего на людях не найти.

Смешон больно. Али это человек, который постоять за себя не умеет! Нужно, брат, зубы да когти.

Всякий тебя будет забира́ть. Рази ты можешь оборониться? Чем тебе оборониться? Эхе-хе! Чудён!

Куда ж ты?

– Я-то? – вновь вострепнулся Митя. – Я уйду. Я, брат, осенью ныне – на Кавказ, и – кончено! Господи! Только бы скорее от вас! Бездушные! Безбожные вы люди, бежать от вас – одно спасенье! Зачем вы живёте? Где у вас бог? Слово у вас одно... Али вы во Христе живете? Эх вы, – волки вы! А там иные люди, живы души их во Христе, и сердца их содержат любовь и о спасении мира страждут. А вы? Эх вы! Звери, пакость рыкающие! Есть иные люди. Видел я их. Звали меня. К ним и уйду. Книгу святого писания принесли мне они. «Читай, говорят, человек божий, брат наш любезный, читай слово истинно!..» И читал я, и обновилась душа моя от слова божия. Уйду. Брошу вас, волки безумные, – от плоти друг друга питаетесь вы. Анафема вам!

Митрий говорил это страстным шёпотом и задыхался от переполнявшего его чувства презрительной злобы к безумным волкам, от жажды тех людей, души которых мыслят о спасении мира.

Сергей был ошеломлён. Он помолчал, широко открыв рот, держа в руке свою трубку, подумал, оглянулся кругом и сказал густым, угрюмым голосом:

– Ишь, как взъелся!.. Злой тоже. Напрасно чёл книгу-то. Кто ё знает, какая там она? Ну... вали, вали, утекай, а то совсем испортиться можешь. Айда! Беги, пока не озверел совсем... А что ж это за люди там, на Кавказе? Монахи? Аль, может, староверы? Они молоканы, что ли? А?

Но Митрий потух уже, так же быстро, как и вспыхнул. Он ворочал веслом, задыхаясь от усилий, и что-то шептал быстро и нервно.

Сергей долго ждал его ответа и не дождался. Его здоровую, несложную натуру давила мрачная, мёртвенно тихая ночь, ему хотелось напомнить себе самому о жизни, будить эту тишину звуками, всячески тревожить и вспугивать это притаившееся созерцательное молчание тяжёлой массы воды, медленно лившейся в море, и уныло застывшие в воздухе неподвижные груды облаков. На том конце плота жили и его возбуждали к жизни.

Оттуда то и дело долетал то тихий, довольный смех, то отрывочные восклицания, стушёванные тишиной и тьмой этой ночи, полной запаха весны, возбуждавшего горячее желание жить.

– Брось, Митрий, куда воротишь? Ругнёт старик-то, смотри, – заметил он, наконец, не вынося более молчания и видя, что Митрий бесцельно буравит воду веслом. Митрий остановился, отёр вспотевший лоб и замер,

прислонясь грудью к веслу и тяжело дыша.

– Мало сегодня пароходов чего-то... Кой час плывём, а всего один встрелся.

И, видя, что Митрий не собирается ответить, Сергей резонно объяснил сам себе:

– Это потому, что навигация ещё не открылась. Начинается только ещё. А живо мы сплывём в Казань-то – здорово тащит Волга. Хребет у неё богатырский – всё поднимет. Ты чего стоишь?

Осерчал, что ли, а, Мить? Эй!

– Ну что? – недовольно спросил Митрий.

– Ничего, чудак человек... Чего, мол, молчишь? Думаешь всё? Брось. Вредно это человеку.

Эх ты, мудрец, мудришь ты, мудришь, а что разума-то у тебя нет, – это тебе и невдомёк! Ха-ха!

И Сергей, посмеявшись, в сознании своего превосходства крепко крикнул, помолчал, засвистал было, но оборвал свист и продолжал развивать свою мысль далее:

– Думы! Али это для простого человека занятие? Вон, глянь-ко, отец-от твой не мудрит – живёт. Милует твою жену да посмеивается с ней над тобой, дураком мудрым. Так-то! Чу, как они?

Ах ты, дуй их горой! Поди, уже беременна Марька-то! Не бойсь, не в тебя дитё-то будет. Такой же, надо полагать, ухарь, как и Силан Петров. А твоим ведь зачислится ребёнок-то. Дела! Ха!

«Тятка», – скажет тебе. А ты ему, значит, не тятка, а брат будешь. А тятка-то у него – дедушка! Эх ты, ловко! Эки пакостники! А удалцы народы! Так ведь, Митя?

– Сергей! – раздался страстный, взволнованный, чуть не рыдающий шёпот. – Христа ради прошу, не рви ты мою душу, не жги меня, отстань! Молчи! Христом-богом прошу, не говори со мной, не растравляй меня, не соси мою кровь. Брошусь в реку я, грех ляжет на тебя большой! Душу мою загублю я, не трожь ты меня! Богом клянусь – прошу!..

Тишину ночи разорвал болезненно визгливый вопль, и Митрий, как стоял, опустился на брёвна, точно его пришибло что-то тяжёлое, упавшее на него сверху из угрюмых туч, нависших над чёрной рекой.

– Ну, ну, ну! – боязливо заворчал Сергей, поглядывая, как его товарищ метался по брёвнам, точно обожжённый огнём. – Чудак человек! Этаким чудак... сказал бы, чай... коли не тово тебе... не этово...

– Всю дорогу ты мучишь меня... за что? Враг я тебе? а? враг? – горячо шептал Митя...

– Чудак ты, брат! Ах, какой чудак! – смущённо и обиженно бормотал Сергей. – Рази я знал что? Мне твоя душа неведома, чай!

– Забыть я хочу это, пойми! Забыть на всю жизнь! Позор мой... мука лютая... Свирепые вы люди! Уйду я! Навек уйду... Не в мочь мне...

– Да уходи!.. – гаркнул Сергей на всю реку, подкрепил восклицание громоподобным циничным ругательством и сразу осёкся, как-то съёжился и присел, очевидно, тоже подавленный развернувшейся пред ним душевной драмой, не понять которой теперь – он не мог уже.

– Эй, вы! – носился над рекой голос Силана Петрова. – Что у вас? Чего лаετε? а-эй?

Должно быть, Силану Петрову нравилось шуметь на реке среди тяжёлого молчания своим густым и крепким басом. Окрики лились один за другим, сотрясая воздух, тёплый и сырой, подавляя своей жизненной силой тщедушную фигуру Митрия, уже снова стоявшего у весла. Сергей, во всю мочь отвечая хозяину, в то же время вполголоса ругал его крепкой и солёной русской руганью. Два голоса рвали тишину ночи, будили её, встряхивали и то сливались в одну густую ноту, сочную, как звук большой медной трубы, то, возвышаясь до фальцета, плавали в воздухе, гасли и гибли. Потом – снова стало тихо.

Сквозь разрыв в тучах на тёмную воду пали жёлтые пятна лунных лучей и, посверкав с минуту, исчезли, стёртые сырой тьмой.

Плоты плыли дальше, посреди тьмы и молчания.

II

У одного из передних вёсел стоял Силан Петров, в красной рубахе с расстёгнутым воротом, обнажавшим его могучую шею и волосатую, прочную, как наковальня, грудь. Шапка сивых волос нависла ему на лоб, и из-под неё усмехались большие, горячие, карие глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали жилистые руки, крепко державшие весло, и, немного подавшись корпусом вперёд, он что-то зорко высматривал в густой тьме дали.

Марька стояла в трёх шагах от него, к течению боком, и с улыбкой поглядывала на широкогрудую фигуру милого. Оба молчали, занятые наблюдением: он – за далью, она – за игрой его живого бородатого лица.

– Костёр рыбацкий, должно! – повернулся он к ней лицом. – Ничего. Держим прямо! О-ох! – выдохнул он из себя целый столб горячего воздуха, ровно ударив веслом влево и мощно проводя им по воде. – Не натужся

больно-то, Машурка! – заметил он, видя, что и она делает тоже ловкое движение своим веслом.

Кругленькая, полная, с чёрными бойкими глазами и румянцем во всю щёку, босая, в одном мокром сарафане, приставшем к её телу, – она повернулась к Силану лицом и, ласково улыбаясь, сказала:

– Уж больно ты бережешь меня. Чай, я слава те господи!

– Целую – не берегу! – передёрнул плечами Силан.

– И не след! – вызывающе прошептала она.

Они замолчали, оглядывая друг друга жадными взглядами.

Под плотами задумчиво журчала вода. Справа, далеко где-то, запели петухи.

Чуть заметно колыхаясь под ногами, плоты плыли вперёд, туда, где тьма уже редела и таяла, а облака принимали более резкие очертания и светлые оттенки. – Силан Петрович! Знаешь, чего они там визжали? Я знаю, право слово, знаю! Это Митрий жалился на нас Серёжке, да и проскулил так то жалобно с тоски, а Серёжка-то и ругнул нас.

Марья пытливо уставилась в лицо Силана, теперь, после её слов, – суровое и холодно упрямое.

– Ну, так что? – коротко спросил он.

– Так. Ничего.

– А коли ничего, так и говорить было нечего.

– Да ты не серчай!

– На тебя-то? И рад бы иной раз, да не в силу.

– Любишь Машку? – шаловливо прошептала она, наклонясь к нему.

– Э-эх! – выразительно крикнул Силан и, протянув к ней свои сильные руки, сквозь зубы сказал: – Иди, что ли... Не задорь...

Она изогнулась, как кошка, и мягко прильнула к нему.

– Опять собьём плоты-то! – шептал он, целуя её лицо, горевшее под его губами.

– Будет уж! Светает... Видно нас с того конца.

Она попыталась оттолкнуться от него. Но он ещё крепче прижал её рукой.

– Видно? Пускай видят! Пускай все видят! Плюю на всех. Грех делаю, точно. Знаю. Ну что ж?

Подержу ответ господу. А всё ж таки женой ты его не была. Свободная, стало быть, ты сама своя... Тяжко ему? Знаю. А мне? Али снохачом быть лестно? Хотя оно, положим, ты не жена ему...

А всё ж! С моим-то почётом – каково мне теперь? А перед богом не грех? Грех! Всё знаю! И всё преступил. Потому – стоит. Один раз на свете-

то живут, и кажинный день умереть можно. Эх, Марья! Месяц бы мне один погодить Митьку-то женить! Ничего бы этого не было. Сейчас бы после смерти Анфисы сватов я к тебе заслал – и шабаш! В законе. Без греха, без стыда. Ошибка моя была. Сгрызёт она мне лет пяток-десяток, ошибка эта. Умрёшь от неё раньше смерти...

– Ну ладно, брось, не тревожь себя. Было говорено про это не раз уж, – прошептала Марья и, тихонько освободившись от его объятий, подошла к своему веслу. Он стал работать порывисто и сильно, как бы желая дать выход той тяжести, что легла ему на грудь и омрачила его красивое лицо.

Светало.

И тучи, редая, лениво расползались по небу, как бы не желая дать места всходившему солнцу. Вода реки приобрела холодный блеск стали.

– Опять он намедни толковал. «Батюшка, говорит, али это не стыд-позор тебе и мне? Брось ты её, тебя-то то есть, – усмехнулся Силан Петров, – брось, говорит, войди в меру». – «Сын, мол, мой милый, отойди прочь, коли жив быть хошь! Разорву в куски, как тряпицу гнилую. Ничего от твоей добродетели не останется. На муку, мол, себе родил я тебя, выродка». Дрожит. «Батюшка! али, говорит, я виноват?» – «Виноват, мол, комар пискливый, – потому камень ты на моей дороге.

Виноват, мол, потому постоять за себя не умеешь. Мертвечина, мол, ты, стерва тухлая. Кабы, мол, ты здоров был, – хоть бы убить тебя можно было, а то и этого нет. Жалко тебя, кикимору несчастную». Воет! – Эх, Марья! Плохи люди стали! Другой бы – э-эхма! Выбился бы из петли-то скоро. А мы – в ней! Да, может, так и затянем друг друга.

– Это ты о чём? – робко спросила Марья, с испугом глядя на него, сурового, мощного и холодного.

– Так... Умер бы он... Вот что. Кабы умер... ловко бы! Всё бы в колею вскочило. Отдал бы твоим землю, замазал бы им глотку-то, а с тобой – в Сибирь... али на Кубань! Кто такая? Жена моя! Поняла? Документ бы такой достали... бумагу. Лавку бы открыл в деревне где. И жили бы. И грех наш перед господом замолили бы. Много ли нам надо? Помогли бы людям жить, а они бы помогли нам совесть успокоить... Хорошо? а? Маша?!

– Да-а! – вздохнула она и крепко, зажмурив глаза, задумалась о чём-то. Они помолчали... Журчала вода...

– Чахлый он... Может, скоро умрёт, – глухо сказал Силан Петров.

– Дай-ко ты, господи, поскорее бы! – молитвенно произнесла Марья и перекрестилась.

.....

Брызнули лучи весеннего солнца и заиграли на воде золотом и радугой. Дунул ветер, всё дрогнуло, ожило и засмеялось. Голубое небо между туч тоже улыбалось раскрашенной солнцем воде.

А тучи остались уже сзади плотов.

Там, собравшись в тяжёлую, тёмную массу, они раздумчиво и неподвижно стояли над широкой рекой, точно выбирая путь, которым скорее уйдёшь от живого солнца весны, богатого блеском и радостью, и врага им, матерям зимних вьюг, запоздавшим отступить пред весной.

Впереди плотов сияло чистое, ясное небо, и солнце, ещё холодное по-утреннему, но яркое по-весеннему, важно и красиво всходило всё выше в голубую пустыню неба из пурпурно-золотых волн реки.

Справа от плотов был виден коричневый горный берег в зелёной бахrome леса, слева – бледно-изумрудный ковёр лугов блестел брильянтами росы.

В воздухе поплыл сочный запах земли, только что рождённой травы и смолистый аромат хвои.

Силан Петров посмотрел на задние вёсла.

Сергей и Митрий точно приросли к ним. Но ещё трудно было, за далью, видеть выражение их лиц.

Он перевёл глаза на Марию.

Ей было холодно. Стоя у весла, она сжалась в комок и стала совсем круглой. Вся облитая солнцем, она смотрела вперёд задумчивыми глазами, и на её губах играла та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасивую женщину делает обаятельной и желанной.

– Поглядывай в оба, ребяташки-и! О-о!.. – во всю мочь громыхнул Силан Петров, чувствуя мощный прилив бодрости в своей широкой груди.

И от его крика всё кругом как бы колыхнулось. Долго по горному берегу звучало эхо.